

МИХАЙЛОВСКИЙ ЗАМОК И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ПАВЛА I

При изучении истории создания Михайловского (Инженерного) замка в Санкт-Петербурге (1797-1800) неизбежно возникают вопросы, выходящие за пределы историко-архитектурной проблематики. Без ответа на них вряд ли удастся, выражаясь словами самого Павла I, "понять и вкусить характеристику мысленную всего заведения"ⁱ. До сих пор исследование религиозно-философской концепции этого здания исчерпывалось рассуждениями вокруг масонской по своему содержанию надписи архитектора В.И.Баженова на одном из чертежей замкаⁱⁱ.

Михайловский замок - единственная в России дворцовая постройка с сакральным посвящением. Согласно преданию, часовому, несшему службу возле пустующего Летнего дворца Елизаветы Петровны (который стоял на месте будущего замка), явился Архангел Михаил и повелел передать императору, что он желает видеть здесь храм. Между тем Павел строит, казалось бы, светское сооружение, но называет его подобно храму. Ассоциации с культовой постройкой вызывают и названия замковых ворот: Зачатейские, Рождественские, Воскресенские. Август Коцебу, составлявший по заказу императора описание замка, отмечает, что он напрасно старался угадать повод, по которому воротам были даны такие названияⁱⁱⁱ. На главном фасаде замка по воле его владельца была помещена перефразированная цитата из Псалтыри: "Дому Твоему подобаet Святыня Господня в долготу дней" (вместо "Дому Твоему подобаet Святыня, Господи, в долготу дний" - Пс. 92.1). Отрока псалма, первоначально предназначенная для Исаакиевского собора, казалась более уместной в оформлении именно церковного сооружения и должна была если не возмущать, то, по крайней мере, повергать в недоумение строгих приверженцев православия. Согласно святоотеческим толкованиям, под Домом Божиим следует понимать и христианскую Церковь в целом, и храм, и каждого христианина^{iv}. Но в православном сознании XVIII-XIX вв. данное понятие ассоциировалось прежде всего именно с храмом. Об этом совершенно недвусмысленно пишет митрополит Московский Платон в "Слове" на освящение Мартыновской церкви на р. Яузе, избравший в качестве эпиграфа тот же самый стих из Псалтыри^v. Помещая на фронте своего дворца подобную надпись, Павел совершил бы почти кощунственный жест, если бы не изменил в ней одно слово. Теперь это уже не Дом Господа, а дом, которому подобаet Святыня Господня.

Не менее примечателен и тот факт, что царские места в замковой церкви Архангела Михаила находились на балконах, в пространстве апсиды, в самой непосредственной близости от алтаря. Подобное расположение царских мест в храме, вызывающее ассоциации с византийским мутаторием, не было характерно для русской литургической практики. В связи с этим нельзя не вспомнить, что в акте о престолонаследии, зачитанном во время коронации Павла I, император объявлял российского государя главою Церкви^{vi}. Венчаясь на царство, он, помимо порфиры и короны, облачается в далматик, который, по

---

* Хайкина Людмила Вениаминовна, старший научный сотрудник Государственного Русского музея.

мнению Б.А.Успенского, несомненно, символизировал архиерейское облачение - саккос^{vii}. Во время литургии Павел неоднократно снимал с себя корону - в те моменты, когда архиерею надлежит снимать митру. После коронации распространились слухи, будто при возведении на престол император сам себя причастил, а не принял причастие из рук священнослужителя^{viii}. Б.А.Успенский отмечает, что Павел считал себя вправе служить литургию и принимать исповедь, поэтому Синоду даже пришлось напомнить ему, что по уставу Православной церкви люди, вступившие во второй брак, не могут священнодействовать^{ix}.

Совершенно очевидно, что Павел I отнюдь не рассматривал принятие обязанностей главы Церкви как формальный политический жест. За внешней экстравагантностью его действий лежали вполне определенные представления о значении царской власти. Между тем историки павловского царствования, отмечая нетрадиционность взглядов этого монарха на духовный авторитет светской власти, концентрировали свое внимание прежде всего на его притязаниях на роль главы Вселенской церкви и на взаимоотношениях с церковью Католической. При этом религиозно-философские истоки идеологии Павла в вопросе "государь и Церковь" никогда не были объектом специального исследования.

В одном из писем к своему бывшему законоучителю митрополиту Платону вел. кн. Павел Петрович, объясняя причину собственной глубокой религиозности, с горечью написал: "Видя круг себя все весьма обстоятельством подвластно, обратил свою (сущность. - Л.Х.) всю в Бога, Котораго у меня отнять нельзя"^x. Драматические обстоятельства жизни сына Екатерины II способствовали не только развитию религиозного чувства, но и обостренному интересу к иносказательной интерпретации библейских текстов на тему о значении царской власти. Еще девятилетним ребенком он неоднократно задает своему законоучителю вопросы о ветхозаветном Мелхиседеке, "царе Салимском и священнике Бога Вышняго" (ср.: Быт. 14. 18; Евр. 7. 1). В ответ Платон пишет "Рассуждение о Мелхиседеке", в котором указывает, что священство салимского царя являлось подобием верховного священства Иисуса Христа^{xi}. Автору трактата было важно внушить своему ученику мысль о превосходстве вечного Христова священства над ветхозаветным священством Аарона. Но его воспитаннику Мелхиседек, очевидно, был интересен именно тем, что являл собой идеальный образ "царя-первосвященника". Став взрослым человеком, Павел не станет следовать наставлениям из сочинения своего законоучителя: "О Мельхиседеке не поминается, чтобы он имел кого-либо в священстве своем преемником... И Христос в священстве своем никого подобнаго преемником не имеет"^{xii}. Платон представляет великому князю и работу "Православное учение...", где, между прочим, пишет: "...Православные государи суть главные попечители и покровители Церкви... От него (христианского государя. - Л.Х.) Церковь Христова требует: 1) знать закон; 2) иметь страх Божий в пример благочестию; 3) смотреть, чтобы правительство церковное было порядочно..; 4) раздоры угашать и защищать от утеснителей ея и ругателей... А наипаче для государя благочестивая вера есть особливо полезна..."^{xiii}. В другой главе этого труда иеромонах Платон отмечает, что священнодействовать в храме может лишь рукоположенное духовенство.

Он излагает представления, вполне традиционные для концепции царской власти, принятой в Московской Руси, где издревле господствовала не идея особого положения монарха в Церкви как царя христиан, а идея глубины его

благочестия. Историк церкви В.Савва отмечает: "...Народ русский, видя царя своего в церковно-гражданских обрядах, скорее видел глубину его смирения, чем высоту его сана"^{xiv}. Конечно, на практике российские монархи не всегда соответствовали образу "смирненного" государя, и взаимоотношения московских царей с Церковью не всегда были идиллическими, но тем не менее идеологическое обоснование древнерусской модели царской власти оставалось неизменным. Совершенно очевидно, что идея "царя-первосвященника", воплощавшаяся в действиях Павла, была чужда древнерусским представлениям о монаршей власти и не могла быть внушена ему его духовным наставником. Можно предположить, что вдохновленный образом "Третьего Рима", Павел I ориентировался на византийскую модель императорской власти. Однако следует вспомнить о выраженной в VI новелле Юстиниана идее симфонии, или согласия, между светской и церковной властями. Она была в Византии господствующей правовой нормой. Те случаи, когда императоры фактически становились главами Церкви, представлялись нарушением этой нормы^{xv}.

В России подобное нарушение было допущено Петром I, уничтожившим институт патриаршества и заменившим его Святейшим Синодом. Парадоксальность действий его правнука заключалась в том, что тот, с одной стороны, вернулся к традиционному для Древней Руси пониманию исключительно важной роли религии для осуществления светской власти. Но, с другой стороны, объявив себя главою Церкви, Павел I закрепил юридически то, что фактически сделал Петр I.

Трудно не согласиться с Н.Я.Эйдельманом, отметившим, что «экзальтированный Павел был куда более склонен не к благочестивому православию, а, так сказать, к "мистике власти", когда исключительная мощь российского самодержавия представлялась уже не просто "творящей причиной" российской истории, но орудием некоего высшего Промысла»^{xvi}. Н.Я.Эйдельман, как и другие исследователи павловского царствования, указывая в качестве первопричин на личные качества и политические притязания Павла, видел в нем самостоятельного творца концепции власти. Он не предполагал, что эта концепция могла быть привнесена в сознание Павла извне. Но существует и другая точка зрения, изложенная одним из крупнейших историков русского зарубежья Г.В.Вернадским в его статье "Цесаревич Павел и московские масоны", опубликованной в 1923 г. во Франции^{xvii}. Эта статья малоизвестна в России, а между тем она представляет собой редкий случай, когда исследователь не просто описывает хорошо известную историю взаимоотношений цесаревича с масонами, а излагает суть воспринятых им воззрений масонства.

Автор статьи напоминает, что зимой 1784/85 г. архитектор В.И.Баженов привез цесаревичу Павлу в подарок от московских розенкрейцеров "Избранную библиотеку для христианского чтения", сборник, только что изданный Н.И.Новиковым. Он содержал, между прочим, "Краткое извлечение христианского учения из Послания св. апостола Павла к Колоссям". Извлечение описывает "лучшее жилище или состояние" человечества - истинное Царство Сына Божия, которому принадлежит "все созданное, как видимое, так и невидимое, а именно Земля и наружная натура". Это как бы апофеоз истинного государства. "Царь сего великого и блаженного царства - такая особа, которая не имеет себе равного. Она двух натур: с одной стороны из Неба, Божеского начала... а с другой стороны от Земли, человеческого происхождения..."^{xviii}. Образ "святого царя" является фундаментальной идеей

другого сочинения, изданного Н.И.Новиковым в 1784 г. под названием "Новое начертание истинные теологии". Когда Христос установит на Земле свое Царство, именно "святым царям" он доверит управление этим Царством и высшее руководство Церковью. Верующие государи во всей Вселенной объединят силы для того, чтобы подготовить и установить на Земле Царство Иисуса Христа. Поэтому религиозная жизнь должна быть полностью подчинена "святому царю". Среди самых высших институтов власти, которые эта книга рекомендует создать, фигурируют на равных Департамент Государства и Департамент Церкви^{xix}. Та же мысль содержится и в книге французского философа-мистика Л.К.Сен-Мартена "О заблуждениях и истине", сыгравшей огромную роль в формировании мировоззрения московских розенкрейцеров^{xx}.

Истинный царь, в представлении читателей этой масонской мистической литературы, не должен быть государем светским, каковым он предстает в политической практике России XVIII в. Обладая высшими добродетелями и наставленный истинной "внутренней" Церковью (т.е. масонским учением), он подчиняет себе Церковь "внешнюю", т.е. официальную. Такова теоретическая основа, на которой, по мнению Г.В.Вернадского, построил свою идеологию Павел I.

Здесь нельзя не затронуть вопрос об отношении масонов екатерининской эпохи к Православной церкви. Как отмечает протоиерей Георгий Флоровский, это отношение было двойственным^{xxi}. Многие масоны исполняли все церковные обряды, а иные прямо настаивали на совершенной неприкосновенности православной литургии. Однако, по тонкому наблюдению богослова, масонов православный обряд привлекал богатством и пластичностью своих образов и символов. «Но всякий символ есть для них только прозрачный знак, путеводная помета, и нужно восходить к означаемому. Это значит: от видимого к невидимому, от "исторического" христианства к духовному, или "истинному", из видимой Церкви в Церковь "внутреннюю". Такой "внутренней" Церковью масоны и считали свой Орден»^{xxii}.

Вопрос о принадлежности Павла к масонству остается не до конца проясненным, так как отсутствуют документальные свидетельства о его вступлении в какую-либо из масонских лож. Но большинство исследователей, описывая богатую фактами историю взаимоотношений цесаревича с масонами, склоняется к мысли, выраженной А.Г.Тартаковским: "...По всему складу своей натуры, моральным устоям и характеру умственных интересов Павел с его глубокой религиозностью, романтическим пристрастием к средневековому рыцарству, душевной экзальтированностью не мог не принимать близко к сердцу духовно-нравственных исканий масонства и мистических настроений его идеологов"^{xxiii}. Вполне естественно, что Павлу с его стремлением к максимальной централизации самодержавной власти и притязаниями на роль главы христианского мира не мог не импонировать библейский образ "царя-первосвященника", актуализированный масонами.

Как представляется, этот образ нашел свое воплощение не только в сфере религиозной политики Павла I, но и в образной структуре Михайловского замка. Сакральная топонимика здесь играет роль тех самых прозрачных знаков, которые позволяют "восходить к означаемому". Жилищу не просто светского государя, а "святого царя-первосвященника", действительно, подобает Святыня Господня, тем более, если этот царь ощущает себя преемником Царя Небесного. Нельзя не вспомнить о том, что торжественный въезд в Москву для коронации был совершен Павлом в Вербное Воскресение, а короновался он на Пасху.

Автор изданного Н.И.Новиковым "Краткого извлечения..." подчеркивал, что святой царь был звеном, «средством» между людьми и Богом. Но таким же «средством» был Царь и Священник» всей твари - Сын Божий Иисус Христос. В представлении автора этого сочинения Христос - прообраз святого царя, соединившего власть земную и небесную^{xxiv}. Уподобление царя Сыну Божию, за которое староверы в свое время упрекали патриарха Никона, было весьма характерным для философии масонства, в которой единая система подобий охватывает весь мир^{xxv}. Яков Бёме, один из самых авторитетных теоретиков масонства, писал: "...Когда ты смотришь на мир сей, то перед тобою прообраз неба"^{xxvi}. А следовательно, когда ты смотришь на жилище земного "святого царя", то оно должно являть твоему мысленному взору подобие обиталища Царя Небесного - Град Божий. В Апокалипсисе о горнем Иерусалиме сказано: "Город расположен четверугольником, и длина его такая же, как и ширина" (Откр. 21.16). Один из крупнейших немецких специалистов в области символики, Г.Бидерманн, подчеркивает, что "Небесный Иерусалим" часто изображался в виде квадрата^{xxvii}. Итальянский медиевист и знаток семантики Умберто Эко, отметив в романе "Имя Розы", что восьмигранная Храмина, находившаяся в средневековом монастыре, где происходит действие романа, сбоку выглядела четырехугольником, далее написал: "...Совершеннейшая из фигур, отображающая стойкость и неприступность Града Божия"^{xxviii}.

В плане Михайловский замок являет собой квадрат с вписанным в него восьмиугольником внутреннего двора. В качестве "восьмого дня творения" блаженный Августин и Василий Великий понимали Воскресение Иисуса Христа и начало Вечности^{xxix}. Г.Видерманн отмечает, что именно эта идея лежит в основе восьмигранной формы баптистериев^{xxx}. А.М.Лидов, в свою очередь, подчеркивает, что в восточнохристианской иконографии число "восемь" является сакральным - символизирует Воскресение и напоминает о явлении Небесного Иерусалима^{xxxi}.

В мировоззрении Павла, ожидавшего наступления Страшного Суда в реальной и близкой исторической перспективе, тема грядущего Воскресения занимала огромное место. В 1796 г. вел. кн. Павел Петрович в письме к митрополиту Платону благодарит его за присланные чертежи основанной им Вифанской пустыни Троице-Сергиевой лавры и далее замечает: "В Вифании вы. Не вы одни обстоятельствами до нее доведены. Суть Вифании и внутренняя, которых истребить не могут. Но сии существа такого, что они с нами на всяком месте и владычестве; такого существа моя (...) Надобно, видно, было получить мне от вас план Вифании и писать к вам о моей внутренней в тот день, где дочь моя год тому, как скончалась"^{xxxii}.

В Вифанской пустыни находилось кладбище монахов лавры, и Платон назвал основанную им обитель в память о евангельском событии, произошедшем в селении Вифания, - воскрешении Лазаря. Фигура его, изображавшаяся на иконах в пеленах, олицетворяла собою веру в грядущее воскресение. Как представляется, в названии главных ворот замка и расположенного над ними Воскресенского зала с картинами на сюжеты из русской истории, а также октогональной форме двора Павел воплотил свою "внутреннюю Вифанию" - упование на будущее бессмертие: и свое собственное, и вверенной ему Богом империи, и всего христианского мира.

Роль прозрачного знака, позволявшего догадаться об истинном смысле запечатленной в композиции здания идеи, играла упоминавшаяся строка из Псалтыри, помещенная в перефразированном виде над Воскресенскими

воротами. Она еженедельно звучала во время воскресного всенощного бдения в прокимне "Господь воцарися", посвященном победе воскресшего Господа над смертью, утверждению им всех верующих во Вселенной^{xxxiii}.

В изданной Н.И.Новиковым "Избранной библиотеке для христианского чтения" содержатся следующие строки: "Иерусалим по буквальному смыслу есть град, добре хранимый, крепкими стенами окруженный, жилище великого Царя и блюстилище мира... По духовному значению знаменует он воюющую Церковь под предводительством Христа"^{xxxiv}. Разве не вызывает это описание хорошо охраняемого и окруженного крепкими стенами города ассоциации с Михайловским замком? И следует ли его воинственный антураж объяснять только рыцарскими увлечениями Павла? Осознание собственной миссии как главы "воюющей Церкви" было необычайно актуально для преемника Екатерины II, видевшего себя "восстановителем истинных религиозных начал", расшатанных французской революцией. В разговоре с польским королем Станиславом Понятовским Павел I заметил: "Мне было сказано, что в 1800 году после мировых смут наступит замирение, и придет оно с Севера"^{xxxv}. Под "Севером" следовало понимать Россию, а разговор происходил в 1797 г., т.е. в самом начале его царствования. Павел I считал себя призванным возглавить борьбу сил Добра против сил зла, и в этом смысле особую значимость приобретал образ Архангела Михаила. Избранный императором сюжет для надпрестольного образа замковой церкви (Архангел, изгоняющий демонов) показывает, что в трактовке этого образа доминирующее значение для него имел именно эсхатологический аспект.

Есть некоторые основания предполагать, что мысль посвятить замок Архангелу Михаилу могла возникнуть под впечатлениями от неосуществленного В.И.Баженовым проекта Кремлевского дворца, чертежи которого были широко представлены в библиотеке Павла^{xxxvi}. До сих пор исследователи не обращали внимания на тот факт, что в конце своего "Слова на заложение Кремлевского дворца" (1773) В.И.Баженов обращается к Архангелу Михаилу: "Архистратиг Обладателя Вселенный, пред твоими очами, пред самыми твоими очами сей первый камень во основании полагается: не сам ли ты наименовал сие место серединою начинаемого здания? Буди хранитель сего дома, сего замка и сего града! Буди хранитель и всей России! И повергая врагов нашего Отечества силою нашего оружия, как ты поверг надменной гордостью духи! Видя храм твой, кажется мне, что я тебя пред собою вижу, воздевающа руки ко престолу Обладателя Подсолнечныя, слышится мне, что ты уже возносишь общенародный глас с севера, сей глас: Всемогущий Боже, благослови место сие..."^{xxxvii}.

Весьма примечательно, что в своей речи В.И.Баженов упоминает Архангельский собор, где покоились останки московских царей, начиная с Ивана Калиты и кончая Иваном V. Безусловно, интерпретация этой речи применительно к главным сооружениям Московской Руси и двух царствований нового времени - екатерининского и павловского - тема для отдельного исследования. В настоящий момент ограничимся лишь констатацией того факта, что в обоих случаях автором проекта являлся один и тот же человек, который, вне всяких сомнений, участвовал в формировании философской концепции петербургского замка. Об этом свидетельствует упоминавшаяся надпись В.И.Баженова на одном из чертежей неосуществленного проекта Михайловского замка: "Под церковью в рюстик должно быть фигурам Моисею и Арону, ибо рюстический закон прошел, а в новой благодати должно быть

камню или Петру с Павлом, что и означено у алтаря наружной церкви"^{xxxviii}. Автор монографии о творчестве архитектора, А.И.Михайлов разъясняет эти слова, ссылаясь на донесение московского главнокомандующего кн. А.А.Прозоровского о посещении им профессора Московского университета Х.А.Чеботарева и знакомстве с некоей книгой: "В этой книге говорилось, что после грехопадения Адама в нем осталась лишь искра закона или совести, то есть закон естественный, который продолжался до того времени, когда Моисей дал закон письменный - 10 заповедей. Моисеев закон продолжался до закона Христова, закона благодати". "Итак, - говорил Чеботарев, - мы не можем исполнить закона Христова, пока не исполним закона Моисеева, а закона Моисеева не можем исполнить, пока не исполним закона естественного". Таким образом, по вполне справедливому суждению А.И.Михайлова, расстановкой статуй В.И.Баженов хотел раскрыть в проекте оформления фасада замка эту масонскую идею развития от естественного закона к новой благодати"^{xxxix}.

Между тем в настоящий момент нам не известны работы Х.А.Чеботарева теософского характера. Идеи, излагаемые в донесении А.А.Прозоровского, по всей видимости были заимствованы из других трудов, особо ценимых московскими масонами, - из сочинения Якова Бёме и из книги "Об истинном христианстве", написанной немецким богословом конца XVI - начала XVII в. Иоанном Арндтом. Эту книгу вместе с "Избранной библиотекой для христианского чтения" зимой 1784/85 г. через В.И.Баженова передает цесаревичу Н.И.Новиков, показавший в 1792 г. на допросе, что отправил ее великому князю потому, что, по словам книготорговца Глазунова, "для той особы искали в книжных лавках нового перевода Арндтова «Об истинном христианстве»"^{xl}. Судя по этим показаниям, Павел Петрович был знаком с сочинением немецкого богослова еще до приезда В.И.Баженова и проявил к нему особый интерес. Исследователь круга чтения Павла I - В.А.Семенов - отмечает, что труд Иоанна Арндта, наряду с "Избранной библиотекой для христианского чтения", находился в Башенном кабинете Гатчинского дворца, т.е. среди книг, которыми великий князь пользовался и которые постоянно находились у него под рукой"^{xli}. Иоанн Арндт писал: "... Каждый человек-христианин имеет себе две линии рождения, плотскую линию Адама и духовную линию Христа, происходящую от веры. Ибо подобно, как Адамово ветхое рождение в нас находится, так должно и Христово новое рождение быть в нас. И сие-то называется ветхий и новый человек, ветхое и новое рождение... ветхий и новый Иерусалим". А далее он добавляет: "Писание описывает новый Иерусалим; оный должен быть во мне, и я сам должен быть им"^{xlii}.

В окончательном варианте проекта церковного фасада, в котором В.И.Баженов хотел воплотить идею нравственного восхождения человечества от Адама к Христу, от статуй Аарона и Моисея отказываются, но по-прежнему присутствуют фигуры Петра и Павла, олицетворяющие собой "новую благодать". Конечная цель этого духовного восхождения - достижение Нового Иерусалима, образ которого занимал центральное место в системе воззрений масонства с его явно выраженными эсхатологическими настроениями.

Следует отметить, что при всем многообразии специфически масонской символики, фундаментальные представления масонства основывались на общехристианских идеях и образах. И если идея "царя-первосвященника" была чужда православному сознанию, то образ Небесного Иерусалима постоянно присутствовал в нем благодаря текстам и песнопениям ежедневного богослужения. В архитектурных сооружениях позднего русского средневековья

(таких как "Святая Святых", задуманная Борисом Годуновым в Кремле, ансамбль "Нового Иерусалима", инициированный Алексеем Михайловичем) через образ Града Божьего воплощались идеи богоустановленности царской власти и мессианской роли русского государства^{xliii}. Как представляется, в русской архитектуре нового времени эти идеи воплощает Михайловский замок.

По свидетельству Франсуа Виоллье — первого по времени помощника Павла в разработке проекта замка, на протяжении двух лет цесаревич напряженно искал композиционное решение планировки здания, причем варианты плана бесконечно множились. На заключительном этапе Павел остановился на едва ли не самой сложной и неудобной для проектирования схеме - квадрате с вписанным в него восьмигранником. Не потому ли понадобилась такая усиленная работа именно над планировкой сооружения, что в основу ее была положена некая сакральная формула, весьма затруднявшая процесс проектирования? Впоследствии на уже найденную объемно-пространственную структуру, от которой Павел не хотел отказываться, он как бы "насаживает" разные варианты решения фасадов: сначала так называемый западноевропейский, затем баженковский и, наконец, осуществленный в натуре.

Конечно, в условиях полного отсутствия прямых документальных свидетельств, исходящих от самого Павла, любая интерпретация идейной концепции Михайловского замка может существовать лишь как гипотеза. Но мысль о том, что генезис и природу архитектуры этого сооружения определяли не только художественные устремления, но и религиозно-философское сознание эпохи, представляется бесспорной.

ⁱ Письмо цесаревича Павла к митрополиту Платону от 15 января 1796 г. // Русский архив. 1887. № 5. С. 169.

ⁱⁱ Только однажды в докладе С.О.Кузнецова была высказана мысль, что в концепции этого сооружения присутствует идея храма, однако гипотеза тогда не была подкреплена обращением к истокам мировоззрения Павла I: Кузнецов С.О. Михайловский замок: предназначение (кратковременность замысла и долговечность мифа). Доклад на II научно-практическом семинаре "Михайловский замок. История. Перспективы музеефикации". СПб., 1991.

ⁱⁱⁱ Коцебу А. Краткое описание Михайловского замка в 1801 году // Русский архив. 1870. № 6. С. 972.

^{iv} Толковая Псалтырь Евфимия Зигабена / Пер. с греч. Киев, 1883. С. 99. Приношу благодарность Н.В.Пивоваровой и И.Д.Соловьевой за консультации в области святоотеческой литературы.

^v Платон (Левшин), митр. Поли. собр. соч. СПб., 1913. Кн. 1. С. 672.

^{vi} ПСЗ-1. Т. 24. № 17910. С. 588.

^{vii} Успенский Б.А. Царь и патриарх. М., 1998. С. 176. Б.А.Успенский подчеркивает, что на иконах сам Христос изображался в далматике как царь и великий архиерей.

^{viii} Там же. С. 178.

^{ix} Там же. С. 177.

^x Письмо цесаревича Павла... С. 170.

^{xi} Платон (Левшин), митр. Указ. соч. Кн. 1. С. 799-804.

-
- ^{xii} Там же. С. 803.
- ^{xiii} Там же. С. 756.
- ^{xiv} Савва В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 104. Выражаю признательность Н.В.Пивоваровой, любезно обратившей мое внимание на эту работу.
- ^{xv} См.: Там же. С. 60.
- ^{xvi} Эйдельман Н.Я. Грань веков. СПб., 1992. С. 57.
- ^{xvii} Vernadskij G. Le Cesarevitch Paul et les francs-masons de Moscou // *Revue des etudes slaves*. Т. 3. Paris, 1923.
- ^{xviii} Избранная библиотека для христианского чтения. Ч. III. М., 1784. С. 131. Ср.: Vernadskij G. *Op. cit.* P. 283.
- ^{xix} Новое начертание истинной теологии... Ч. II. М., 1784. С. 252-256.
- ^{xx} Vernadskij G. *Op. cit.* P. 284.
- ^{xxi} Флоренский Г. Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 122.
- ^{xxii} Там же.
- ^{xxiii} Тартаковский А.Г. Павел I // Романовы. Исторические портреты. Т. 2. М., 1998. С. 167.
- ^{xxiv} Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 233.
- ^{xxv} Медведкова О. Царицынская псевдоготика В.И.Баженова. Опыт интерпретаций // *Вопросы искусствознания*. 1993. № 4. С. 66.
- ^{xxvi} Там же.
- ^{xxvii} Бидерманн Г. Энциклопедия символов/Пер, с нем. М., 1996. С. 112.
- ^{xxviii} Эко У. Имя Розы / Пер, с итал. М., 1993. С. 21.
- ^{xxix} Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. 1 / Пер., вступ. статья и комментарии А.И.Сидорова. М., 1993. С. 223, 326; Tourniac J. *Symbolisme maconique et tradition chretienne*. Paris. 1993. P. 60.
- ^{xxx} Бидерманн Г. Указ. соч. С. 298.
- ^{xxxi} Лидов А.М. Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии // *Иерусалим в русской культуре*. М., 1994. С. 17.
- ^{xxxii} Письмо цесаревича Павла... С. 169.
- ^{xxxiii} Всенощное бдение и литургия. Изд. Введенской Оптиной пустыни. СПб., 1997. С. 17, 115.
- ^{xxxiv} Избранная библиотека для христианского чтения. Ч. II. С. 72.
- ^{xxxv} Горяинов С. Павел I и Станислав Понятовский. Неизданные рукописи // *Русский архив*. 1912. Кн. I. С. 34. Благодарю М.Б.Асварища, любезно обратившего мое внимание на эту публикацию.
- ^{xxxvi} РГИА, ф. 468, оп. 32, № 1247, л. 65.

---

^{xxxvii} Баженов В.И. Слово на заложение Кремлевского дворца // Мастера искусства об искусстве. Т. 6. М., 1969. С. 94.

^{xxxviii} Кожин Н. Проект Михайловского замка В.И.Баженова // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 1. М., 1946. С. 49-54; Михаловская О. Новое об Инженерном замке // Архитектура Ленинграда. 1950. № 1. С. 29-31.

^{xxxix} Михайлов А.И. Баженов. М., 1951. С. 274.

^{xl} Новиков Н.И. и его современники. М., 1961. С. 454.

^{xli} Семенов В.А. Что читал Павел Первый // Наше наследие. № 38. 1996. С. 20.

^{xlii} Арндт И. Об истинном христианстве. М., 1833. С. 28, 72.

^{xliii} См.: Баталов А.Л. Гроб Господень в замысле "Святая Святых" Бориса Годунова // Иерусалим в русской культуре. С. 154.